

Владимир Подскребко

ХОЗЯИН

Аннотация

«Хозяин» — повесть о фермере, который в 90-е годы открыл к/х. В основу повести положены реальные факты биографии реального человека.

Герой книги прошел все муки ада фермерского существования и через двадцать лет понял бессмысленность своего труда. Он с горечью вспоминал безвозвратно потерянное в жизни время.

Жизнь толкала его на скользкую дорожку воровства, но он устоял против этого соблазна, соблюдая истину: «Лёгких денег не бывает!». За все когда-то придется платить: кому свободой, а кому-то ценой собственной жизни.

Владимир Подскребко

ХОЗЯИН

(повесть)

Со второй половины июля установилась устойчиво жаркая погода. С восхода до заката на бледно-голубом небе не появлялось ни единого облачка. Пожелтевшие луговые травы не радовали сельских тружеников. Казалось, пылающий зной взял в свои огненные клещи не только Приморье, а весь мир, и безжалостно сжигал под корень всё живое.

В полдень на картофельное поле набегал обжигающий ветерок. Он высасывал из стеблей живительную влагу, закручивал лепестки в трубочку и клонил к земле. Повязав лысеющую голову белой тканью, на краю поля стоял человек. Рубаха, побелевшая от солёного пота, обтягивала мощные плечи. По щекам, мелким бисером, меж густой щетины пробирался грязный пот. Мужчина то и дело промокал лицо подолом своей рубахи и с нескрываемой грустью смотрел на поблекший цвет картофеля, а потресканные от жестокого зноя губы чуть слышно шептали: «Дождя надо! Господи! Не дай погибнуть труду крестьян!» — Это был потомственный хлебороб, Заречный Константин Василич. В лихие, голодные 90-е годы он

организовал своё крестьянское хозяйство, которое требовало от него трудиться с восхода солнца и до первых звёзд. На отдых оставляло всего несколько часов, которые он старался использовать до последней секунды.

Свои постройки Константин Заречный возвёл своими руками и назвал «временками». И не знал того, что ему придётся жить до глубокой старости в этих слепленных из глины и травы строениях, пронизываемых холодными зимними ветрами, промерзшими углами, а в летнее время покрываться плесенью от сырости, приносившей муссонными дождями и туманами, набегавшими с моря.

Метрах в двухстах от построек пролежала грунтовая дорога. Это единственная магистраль, которая связывала периферию с городами Дальнего Востока. Два человека, неспешно идущие по обочине, остановились напротив металлического щита, на котором крупными буквами написано: «К. Х. Заречного К.В.» Они с минуту посовещались и направились к человеку, стоявшему у края картофельного поля.

— Здорово живёшь, хозяин?! — хрипловатым басом проговорил подошедший парень. Загорелое широкоскулое лицо выдавала усталость, не только на лице, но и в тёмных зрачках его глубоко посаженных глаз.

— Да пока жив, того и вам желаю! — ответил

фермер, не без любопытства смерил придирчивым взглядом подошедших парней. — Далече путь держим, ребятки, если это не военная тайна?

— Да какой тут в чертях тайна, хозяин! Приехали в Приморье из центральной России, мечтали в море на рыболовное судно устроиться, но получился облом — не взяли на работу, ответили, что штат полный... — с грустью ответил парень.

— Как это не взяли?! — вскинув кустистые брови, спросил Заречный, — насколько мне известно, на судах всегда недобор рыбаков. Я смотрю на вас, парни-то крепкие и лицом не испытые — и не взяли?... Странно! По всей видимости, есть другие причины!

— Красота тут у вас — ну просто божественная, — ловко сменил тему разговора рядом стоящий товарищ.

— Мы поэтому и пошли пешком, — подхватил второй, — чтобы вдохновиться поистине чудесной природой.

Заречный понял, что тема об их трудоустройстве парням не по душе, и он тут же перевёл на разговор о красоте Приморского края.

— Да, что красиво тут, уж — не поспоришь, — вдохновенно произнёс Заречный, — вот, почитай, уж третий десяток разменял в Приморье, и каждый год природа является в новом обликии. Всегда я нахожу в ней что-то колдовское

и завораживающее. — Константин Заречный ласковым взглядом посмотрел на разлапистые ветки дубов, берёз и мечтательно продолжал, — Я люблю, ребятки, осеннее время года. Когда тайга-матушка наденет на себя золотой наряд, когда грибной дух пьянит меня, как медовый запах лип, — вот тогда — это время моё! — Он набрал полные лёгкие воздуха и, с шумом выдохнув, задумчиво произнёс:

— Жаль, что эти чувства невозможно передать простыми словами, тут, брат ты мой, поэзия нужна.

Заречный умолк, но взгляд его ещё долго висел над бескрайным таёжным пространством.

— Хозяин, давай познакомимся, — прервал молчание зеленоглазый, сухощавый парень, протягивая руку. — Меня зовут Пётр, а это — Михаил. Мы служили вместе в Чечне, а теперь горе мыкаем вместе в Приморской тайге.

— Ну, а я, Константин Василич, можно просто Василич, тут в Приморье как-то не принято называть по имени-отчеству, обычно по отцу погоняют.

— Василич, как из разговора я понял, что вы тоже в эти края залётный? А с каких мест?... Может, земляки?...

— Родом я из Казахстана, а перебрался сюда с Якутии. Слышали? Оймякон?! Край лютых морозов

и золотых россыпей. Работал в старательской Артели. Золото добывал. Надоела мне длительная, холодная зима и короткое лето, вот решил посмотреть море, да и ввяз здесь в чистой любви и благодати, — он, улыбаясь, посмотрел на гостей, — тут, брат ты мой, девки-то работающие — морячки. Вот обживётесь, — сами в этом убедитесь... Жена для мужчины — это вдохновитель мужских подвигов, а если ещё умная, да работающая, то для такой жены муж готов на ещё большие подвиги, — он скромно улыбнулся, добавил, — вот, что я сделал тридцать лет назад.

— Мы, Василич, оба женаты, — блеснув глазами, весело сказал Михаил, — жёны нас и вдохновили на морские подвиги, а тут — бах и провал! Возвращаться назад — гордость не позволяет. Придётся работу временно подыскать на берегу. Вакансия на судне появится, вот тогда и махнём в море.

— Да кой тут в чертях провал, скажи на милость?! — взревел Заречный, — что на этом Преображении свет клином сошёлся?! Вы, пожалуй, не в курсе, сколько рабочих рук не хватает по Приморскому краю? Да, дурень тот руководитель, что не увидел в таких парнях надёжный оплот русского рыбацкого флота! Не вешайте носы! Тут в 130 километрах стоит город Находка, по последним данным, флот ещё

разворовали не весь, так что работой, я уверен, будете обеспечены. Заречный придирчиво взглянул на Михаила, перевёл взгляд на Петра и спросил:

— А вы какой владеете профессией?

— Мы оба сварщики, — гордо ответил Петруха, — вот Миша — настоящий кудесник в своём деле, — Петро с улыбкой посмотрел на друга, — ну и я, вроде бы, неплохой специалист — дипломированный. Был отмечен производственными наградами, значит, что-то стою?

— О-о-о, — нараспев протянул фермер, — эта профессия, брат ты мой, не только земная, но и космическая. Придёт время, когда мы начнём осваивать «лунную целину», а там, глядишь, и до красной планеты доберёмся. Профессия сварщика на космических объектах будет нужна в первую голову — уверяю вас! Вы, конечно, на лунные работы не попадёте, но в Находке вполне пригодитесь, — с улыбкой заключил Заречный. — Доберётесь до города, и сразу прямым ходом дуйте в Морфлот. Там всегда дефицит специалистов подобного профиля. Там не только вы будете обеспечены работой, но и крышей над головой. В вашем положении это уже потянет — на божий рай.

— Мы с Петрухой по этому поводу не заморачиваемся, — хлопнул друга по плечу Михаил, — работу на берегу найдём без проблем, и

крыша над головой будет. Тут у нас возникла другая проблема. Вторые сутки маковой росинки во рту не было. Нам бы перекусить что-нибудь... Василич, не поскупись! Не дай молодым и красивым умереть от голода.

— Фу ты! — Заречный, шлёпнув себя, воскликнул, — этот зной совсем мои мозги высушил, памяти не осталось ни на грош — правильно гласит поговорка: «Сытый человек голодного не понимает!» — Идёмте в мою хижину! Сегодня хозяйка такой наваристый борщ заварганила!..

— Собаки у вас есть? — принизив голос, спросил Михаил, — страх как боюсь... В детстве ещё покусали, казалось, пора и забыть, а нет, увижу пса — и мандраж тут же в коленях, и не могу с собой ничего поделать.

— Тебе сейчас годков тридцать есть? — Есть. — Вот как стукнет в ребро мой возраст, перестанешь бояться не только собак, но и медведей, — с улыбкой заметил фермер. — Жить в тайге без этих помощников сам Бог нам не велит. Я их считаю хозяевами после себя. Хотите, я вам расскажу один трагический случай? Он в аккурат связан с этими умными животными.

— Это произошло зимой, — начал свой рассказ Заречный, — годов семь назад. Выехал я по делу в район, собак с привязи отпустил. Что нужно

было сделать в районе, сделал и уже к вечеру возвращаюсь. Смотрю, в аккурат, вот на этом самом месте, где ты стоишь, Петро, — стоит человек, как раз у щита, где было написано: «Стой, злые собаки!» Подхожу. Смотрю. Знакомый, в руках огромный пакет, доверху набит квашеной капустой. Мороз под двадцать, а он в летних туфлях. Синий! Губы деревянные. Не может слово сказать, глаза слезой подёрнулись, смотрит на меня испуганно. Один пёс лежит вот на этом самом месте, на дороге. Второй пёс — вон там во дворе. Держат его, как дикого зверя. «Что, — говорю, — парнишка, борщица покушать захотелось? Я же, — говорю, — тебя летом приглашал помочь мне, ты что мне ответил: «В земле копать не моё дело!» А жрать, — говорю, — сволочь, чужое — твоё дело?! Молчит. — Заречный умолк, через минуту добавил, — Я только через месяц узнал, что ему по самые пятки отрезали ступни. А этого могло и не случиться, попроси он у меня этой капусты добром.

— Бог шельму метит, Василич! — произнёс Петро. — По всей видимости, мужик продумал всё, а вот собак-то в толк не взял, вот так-то оно и вышло.

— Кто ему виноват, — заметил Михаил, — а могло быть и хуже. В Афгани, когда я служил, произошёл трагичный случай. Один солдат получил из дому посылку и положил в тумбочку, друзьям

сказал, вечером побалуемся домашними пампушками, а сам отлучился по службе. Когда, все гости собрались на ужин, а посылки-то тю-тю... Парень был горяч, этого «крысятника» вычислил, и что вы думаете? Пристрелил, тот не успел посылку доест. Конечно, жестоко, но, на мой взгляд, вполне справедливо. Мы там жили все одним днём, и каждая весточка из дома, будь-то письмо, а тем более посылка, — это уже святое и за воровство этой святыни — плати жизнью!

— Этакая расправа слишком жестокая, — тихо сказал Заречный, — я не одобряю, но неписанный закон войны никто не отменял.

— Василич, а ваши «хозяева» нас сейчас не поставят, на таком солнцепёке? — оглядываясь по сторонам, спросил Пётр.

— Не поставят! — заметив на лице Петра неподдельный страх, сказал фермер. — Тех умных и преданных собачек давно уже нет. Их Тигр утащил, а нынешние сидят на цепи, иди, не бойся!

— Так что! — испуганным голосом произнёс Петро, — у вас по усадьбе ещё тигры шныряют?! Бог мой! Как вы среди этого кошмара живёте, Василич? Тут всё тащат, там смотри в оба, чтобы тигру в когти не попасть? Куда нас занесли черти, Миша?!

— Я думаю, — улыбаясь, отметил Михаил, — что мы с тобой невкусные, и зверь нас в пищу

включать побрезгует, успокойся.

— Ладно, уговорил! — косясь в сторону леса, и как бы незаметно опередил Заречного, пошёл впереди, что не укрылось от взгляда фермера. «Трусоват, сразу видно, городской, хлюпок», — скрывая улыбку, про себя отметил хозяин.

— Василич, — уже спокойным голосом произнёс Петро, — Вам жить вот так не страшно? Ну, я имею в виду: тигры, воры... Да и вообще, — он махнул рукой, — полный кошмар... Или вы уж привыкли?...

— Страх, Петро — это понятие растяжимое. Даже на войне, если она затяжная, как наша последняя, человек привыкает к выстрелам, и свисту пуль. По шелесту летевшего снаряда может легко определить, куда он летит и где упадёт, а пулю по свисту, что эта пуля не ему предназначается. Вот так и здесь. Я уже точно знаю, когда зверь придёт ко мне в усадьбу, и стараюсь встречу отложить до лучших времён. — Фермер, посмотрел на Петра и продолжил, — Не тигр приходит ко мне в усадьбу, а я залез в его дом. В конце огорода проходит тропа зверя. Что он, просил меня, чтобы я построился на его территории? Не просил! Так что, Петро, получается? Правильно! Терпи, человек, и оглядывайся, прозеваешь зверя, уж не взыщи, если он поломает тебе рёбра или свернёт шею. Вот

так-то брат. Что бы такого промаха не произошло, запомни его расписание. Он точен во времени, как кремлёвские куранты. Приходит всегда в одно время. Вот так и живу. Вполглаза сплю, в полшага хожу. Жить-то хочется.

— Ну, полный триндец! — махнув рукой, заключил Пётр. — Если звери не съедят, то умрёшь от разрыва сердца, от неожиданной встречи с этой двухсоткилограммовой кошечкой. Господи, помилуй мя от такого знакомства.

После дневной духоты и невыносимого зноя, прохлады внутри фермерского жилья гостям показалась наивысшей точкой блаженства. Ополоснувшись проточной водой, гости сели за стол. Вкусный запах борща заполнял всё пространство маленькой комнатки и возбуждал у парней такой аппетит, что желудок пронизывали мелкие колики, вызывавшие лёгкую тошноту. Парни ели быстро, но не жадно — это всё подчеркивало скромность молодых людей. Насытившись, все трое вышли в сени, где лёгкий ветерок не пускал жестокий зной на порог и комфортная обстановка располагала к душевному разговору.

— Вот вы, ребятки, давеча сказали, что вам в БТФ отказали в работе, меня, скажу вам по чести, озадачило. Чтобы отказать таким парням, как вы, — это надо иметь аргумент ой какой! Может быть, в

вашей биографии нашли какую-нибудь червоточину, ну там судимость, то это естественно. С таким пороком на судно не попадешь.

— Нет, Василич, — сказал Михаил, — у нас с Петром в этом отношении всё в порядке. Когда мы с другом встали перед ясными очами прекрасной девицы-кадровички, она нам сказала после просмотра наших документов: «Нам такие специалисты, ох, как нужны! Проходите комиссию, а потом собеседование с начальником предприятия и сразу на судно «Приморье». Разрешение на временное проживание в общежитии получите позже. К вечеру мы уже прошли все нужные формальности, осталось поговорить только с начальником, то есть пройти собеседование, вот тут-то и получилась непонятка. После душевного разговора с этим боровом, мы, одухотворенные, не скрывая радостных улыбок на лицах, пришли в кадры за документом на право проживания в общежитии, она со слезами на глазах нам говорит: «Извините, штат полный, мы в ваших услугах не нуждаемся». Вы понимаете, Василич, какая хрень получилась?! Мы с Петром опешили... Нам просто-напросто плюнули в лицо... Мы вышли с полным ушатом помоев на голове и бессильны что-то предпринять. Ярая злость разрывала мою грудь! Петро стоял рядом, бледный, словно мраморная статуя, с побелевшими напряженными